

УДК 340.1

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО КАК ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

А. П. АЛЬБОВ

УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия»,
г. Горки, Республика Беларусь, 213407

(Поступила в редакцию 31.10.2018)

В статье показывается, что национальное право – это, прежде всего, категория национального порядка, встроенная в мировоззрение и культуру каждого народа, на котором происходит развитие экономики, т. е. право обладает собственной ценностью. Отмечается, что в экономике фундаментальная роль принадлежит объективным законам, в праве – общей воле граждан в лице государства, следовательно, экономика есть сущность права, а сущность экономики – это равновесие либо (что то же самое) справедливость. Право обладает собственной ценностью, априорное и прямолинейное желание подчинить право экономике должно быть отброшено как несостоятельное. Национальная культура (матрица), которая определяет облик государства и общества, позволяет воспроизводить его основные параметры в случае крушения государственности, развала экономики или социальных проблем. Право с этих позиций не порождается экономическими потребностями и не существует для интересов класса, наоборот, нравственное начало должно стать приоритетом, следовательно, экономика как система хозяйственных отношений – вторична и зависит, с одной стороны, от права, а с другой стороны, от субъективной воли, которая в идеале должна быть ограничена правом.

Ключевые слова: право, экономика, государство, фундамент, надстройка.

The article shows that national law is, above all, a category of national order embedded in the worldview and culture of every nation where the economy develops, that is, the law has its own value. It is noted that in economics the fundamental role belongs to objective laws, in law – to the general will of citizens represented by the state, therefore, economics is the essence of law, and the essence of economics is equilibrium or (which is the same) justice. The right has its own value, a prior and straightforward desire to subordinate the right to the economy should be discarded as untenable. The national culture (matrix), which determines the appearance of the state and society, makes it possible to reproduce its basic parameters in the event of the collapse of statehood, the collapse of the economy or social problems. Right from these positions is not generated by economic needs and does not exist for the interests of the class, on the contrary, the moral principle should become a priority, therefore, the economy as a system of economic relations is secondary and depends, on the one hand, on the law, and on the other hand, on the subjective will, which ideally should be limited by the law.

Keywords: law, economy, state, foundation, superstructure.

Введение

Сегодня взаимодействие различных правовых систем, национальных культур и основанных на этих принципах различных экономических моделей не должно превращаться в столкновение, в конфликт вслед за экспортом «универсальных» бизнес-моделей. Национальное право – это, прежде всего, категория национального порядка, встроенная в мировоззрение и культуру каждого народа, на котором происходит развитие экономики. Право обладает собственной ценностью, априорное и прямолинейное желание подчинить право экономике должно быть отброшено как несостоятельное.

Основная часть

Вопрос о соотношении национального права и национальной экономики, права и государства фактически существовал всегда, с тех пор как появились первые нормы, регулирующие отношения между людьми. В последнее время в каждой научной статье или диссертации можно прочесть: на пороге таких-то и таких-то годов наше общество находилось на этапе глубоких социальных, экономических преобразований (или перестройки экономики, или «турбулентности», или переоценки системы ценностей) и т. д. и т. п.; или сетования на самих себя, например: «до настоящего времени в отечественной науке и практике не выработан устойчивый понятийный аппарат» и т. п.

В чем же причина такого положения дел в науке?

Ответ на первый взгляд очевиден: с начала прошлого века социально-гуманитарные науки находились под влиянием тоталитарной идеологии и занимались апологией текущей политики, экзегезой советских документов и выступлений партийных лидеров. Сознание политиков определяло всё: и развитие права, и развитие экономики; их сознание являлось «научной методологией» для развития экономического базиса и правовой системы, для обоснования того, что достигнутая определённая экономическая система в обществе приобретает форму государства и определяет тем самым само право. «И не случайно знаменитое положение, что общественное бытие определяет общественное сознание, дальше тезиса и не пошло. В истории своей страны мы имеем обратное...»

[1]. «Тотальный контроль над экономикой, где государство выступало и собственником, и работодателем, и распределителем продуктов производства означал сужение сфер личных прав и свобод граждан и, в конечном счете, их фактическое игнорирование. Перед государством не стояла задача обеспечения этих прав» [2]. В этих обществах индивидуализм не имел ни духовной, ни экономической, ни политической почвы для своего развития и практически отсутствовал. Каждый член общества воспринимал себя не как хозяина жизни, обладающего в этой связи неотъемлемыми правами, а скорее, работником, призванным исполнить обязанность. Такие общества, которые в науке часто именуют коллективистскими и традиционными, связаны общей религиозной идеологией, обычаями и традициями, исходя из которых формируются и решаются стоящие перед обществом задачи. Право (закон государства) здесь получает значение не основного, а вспомогательного инструмента; на первое место выдвигается религиозная мораль, связывающая человека обязанностями, а также традиции, обычаи, ритуалы.

На самом деле нет ни одной работы, которая показала, хотя бы на одном единственном примере, как конкретное общественное бытие (материальное производство, например) перевело себя в определенную форму общественного сознания. Конечное не может переводить себя в другое конечное как в свою собственную противоположность. Это знал уже Аристотель. Ведь у Аристотеля-то дерево не превращает само себя в тумбочку, здесь еще, оказывается, нужен мастер, который сделал бы это. Чтобы одно конечное перешло в другое конечное, нужно третье конечное, которое будет это делать.

Никто не будет отрицать, что право – современник общества, основанного на производстве и обмене. Способ производства откладывает определенный отпечаток на право, но экономический фактор (базис) не является конечным и решающим. Справедливости ради надо отметить, что и сам К. Маркс ничего подобного не утверждал. Это делали только марксисты, да и то в основном в России в экономических вузах. Сам же основоположник учения подчеркивал, что «нет ничего более неправильного, чем тот способ, которым пользуются... когда рассматривают общество под углом зрения его экономических условий» [3]. «Вся мировая история показывает нам определяющее влияние религии и этики на всю сферу производства: вся мощная техника античного и средневекового строительства подчинена религии (храмы, гробницы, пирамиды), она совсем не «экономична» и не экономна, но аскетична, духовна и полна жертвенности. Тысячелетний уровень техники и хозяйства в древних цивилизациях Китая и Индии можно понять только из религиозно-этической установки этих культур. Когда радикальный буддизм распространился в Индии, в некоторых местностях совершенно прекратилось земледелие. Достаточно взглянуть на Средневековье, чтобы тотчас признать, что религия здесь вовсе не была «надстройкой», но, напротив, сама строила все и была архитектурой всего здания» [4].

Вот почему полагать экономику определяющей, а все социальные институты производными – абсолютное заблуждение; источник права – процесс эволюции культуры, объединяющий и фиксирующий в своих нормах поведения социальный опыт человечества (или опыт того общества, в котором они действуют). Если нормы культуры обеспечивают существование социального целого, то они объективно становятся общеобязательными, т. е. правом [5]. Роль государства в этом процессе ограничивается тем, что оно, будучи органом выполнения общих дел населения страны, обеспечивает соблюдение общеобязательных правил поведения принудительной силой. Государство участвует лишь в правореализации, но не в правотворчестве, кроме, разумеется, тех случаев, когда оно издает законы, санкционируя уже сложившиеся социальные нормы или пытаясь зафиксировать в законе потребность в правовом закреплении формирующихся общественных отношений.

Объясняя почему в нашем государстве не работают законы, ректор Высшей школы экономики (Москва) Я. Кузьминов справедливо отмечал, что идеальный закон – это закон, который люди даже и не читали, они просто поступают так, потому что им так поступать кажется правильно. Это значит, что закон просто соответствует внутреннему моральному состоянию людей [6]. Справедливость этой мысли доказывается на протяжении всего развития человечества: нормы морали формируются как нормативное выражение сложившихся в обществе взглядов, представлений о добре и зле, справедливости, чести, долге, порядочности, благородстве и т. д. При этом процесс формирования моральных ценностей проходит в недрах общественного сознания, также как и процесс правообразования, который имеет глубокие социальные корни, однако право в единстве своей формы и содержания предстает как результат официальной деятельности государства, как выражение его воли. На вопрос отца, каков лучший способ нравственно воспитать сына, пифагореец ответил: сделай его гражданином государства, в котором действуют хорошие законы [7]. В экономике

фундаментальная роль принадлежит объективным законам, в праве – общей воле граждан в лице государства. Лучше всего характер взаимодействия может быть представлен через иерархию сущностей. Экономика есть сущность права, а сущность экономики – это равновесие либо (что то же самое) справедливость [8]. Истина заключается в том, что не существует никакого фундамента и никакой надстройки. Очевидно, что если бы правовая система и правовые нормы были отражением материальной жизни общества, то не происходило бы развития, так как именно идеи в первую очередь, правовые отрицают и преобразуют существующее материальное производство. Ведь именно орудия производства и материальные блага являются первым продуктом и первым проявлением духа изобретающего человека, который впоследствии сохранял, укреплял и присваивал (заслуженно или нет) с помощью норм полученные результаты.

Можно ли утверждать, что экономический процесс есть основа определяющая историческую судьбу общества? Очевидно, что нет. Так как земледелие и скотоводство с участием рабского труда, с использованием тех же орудий труда существовало в Греции, Риме, Египте, Иудее, но из соотношения производства и потребления нельзя вывести и понять многообразие древних культур с их формой государства, правовой системой, религиозными нормами и учреждениями.

Если бы экономика определяла правовую культуру и форму государства, то всю историю достаточно было бы свести к истории производства и орудиям производства и оставалось бы лишь описывать орудия производства, определяющие их жизнь: сначала они пахали сохой и плугом, а потом трактором, сначала они были рабами, потом крепостными, потом ремесленниками, потом пролетариатом.

Сказать, что фараоны и жрецы существовали рабским трудом, что их храмы и пирамиды обусловлены «орудиями производства» – значит сказать нечто верное, но лишенное всякого смысла, как не отвечающее на вопрос. Соответственно и право, и государство каждого народа вырастает не из кирки или лопаты, трактора или комбайна, а из его религии, его психологии, понимания красоты, его нравов и обычаев и т.п. Только все эти и другие элементы составляют единое целое нации. Удивительно, что до сих пор идут дискуссии на эту тему и обсуждаются вполне очевидные вещи: «на самом же деле истина состоит в том, что не существует никакого фундамента и никакой надстройки, а существует взаимодействие и взаимозависимость различных функций труда и творчества, интегрально входящих в единую всеобъемлющую систему культуры. Одинаково верно сказать: наука, политика и духовная жизнь обусловлены уровнем техники и организации хозяйства; и обратно: техника и организация хозяйства обусловлены уровнем науки, действующим правом, направлением политики [4].

Национальная культура (матрица), которая определяет облик государства и общества, позволяет воспроизводить его основные параметры в случае крушения государственности, развала экономики или социальных проблем. Человечество смогло изобрести пока только два вида такой матрицы – это религия и идеология.

Так, конфуцианство позволяет Китаю динамично развиваться и с уверенностью смотреть в будущее, более того конфуцианская империя просуществовала более двух тысячелетий, что является уникальным случаем в истории, когда мощная цивилизация существуя в рамках традиционного общества имела в качестве идейного стержня не религию, а идеологию и национальную правовую систему.

История убедительно доказывает, что различные идеи: имперские, коммунистические, фашистские, национал-социалистические изменяют структуру общества и, следовательно, структуру хозяйства. Настоящая техническая революция произошла в истории несколько раз и это связано с изобретением паровой машины в XVIII веке, научно-технологические достижения в области электричества и химии в XIX веке, создание компьютеров и средств мобильной связи в XX веке. И опять становится очевидно, что ни техника сама по себе, ни промышленное производство не может определять право, религию, культуру нации. Материальное производство, экономика – совокупность средств, а не система целей, так как один и тот же способ производства в различных государствах может служить прямо противоположным целям и задачам по преобразованию той же экономической составляющей. Существует индустрия комфорта и улучшения жизни, но существует также военная индустрия, опирающаяся на ту же самую технологию. Можно утверждать, что экономический детерминизм и марксистский техницизм представляет собой демагогию о ценностях, ложный императив, навязываемый отдельным нациям и народам.

В отличие от юриспруденции у политэкономии более тесные связи с естествознанием, с биологией, с зоологией, с методологическим принципом редукционизма, где духовное

истолковывается как особая разновидность экономического, материального. Редукционизм в экономике порождён эгоцентризмом научной специализации, когда считается, что именно экономические дисциплины и экономические толкования являются краеугольным камнем всего научного знания, неким гносеологическим фундаментом социально-гуманитарных науки, объяснением всего многообразия социальной жизни.

Напротив, «право есть низший предел или определенный минимум нравственности» (Вл. Соловьев) [9], при этом подчеркивается, что между нравственным и юридическим законом нет противоречия: второй предполагается первым, – хотя юридический закон и не требует высшего нравственного совершенства, но он и не отрицает его. Следовательно, право – то есть сами общественные отношения, образующие живую ткань социального организма.

Можно утверждать, что сегодня материальные потребности постепенно отходят на второй план, приобретают роль некой уже в принципе решенной для духа задачи. Это не означает, что экономика и ее развитие вообще перестают быть значимыми для человечества, или что для каждого конкретного народа экономические проблемы полностью решены. Но экономика никогда, по сути, не была первичной, определяющей по отношению ко всем остальным сферам общественной жизни, и право не может рассматриваться как явление, даже в итоге определяемое экономикой. Право и экономика, политика и религия, идеология и наука – каждое само по себе, а не через посредство иного, имеет источником духовное начало [10]. Тем самым положение о том, что содержание любого человеческого интереса, в конечном счете, определяет материальный, экономический мотив – является методологической и научной ошибкой. Следовательно, и право с этих позиций не порождается экономическими потребностями и не существует для интересов класса, наоборот нравственное начало должно стать приоритетом, в противном случае погибнут целые нации и народы, в угоду «избранному народу».

Заключение

Таким образом, экономика как система хозяйственных отношений – вторична и зависит с одной стороны от права, а с другой стороны, от человеческого эгоизма, субъективной воли, произвола, который в идеале должен быть обуздан правом. Для эффективного взаимодействия экономики и права необходимо соблюдать принцип, согласно которому законодательство не диктует фактические действия участникам той или иной коллизии, а лишь фиксирует подкрепленные законом права участников, оставляя им возможность искать договоренности на основе признания этих прав, принципов справедливости и ответственности за конечный результат участников правоотношений. Все это вместе взятое обеспечивает экономический рост и социальную справедливость, т. е. максимизирует благосостояние общества [11].

Сегодня экономисты делают попытку отойти от привычных соображений по поводу справедливости, обсуждая вместо этого проблемы целесообразности/эффективности. Однако эти категории взаимосвязаны друг с другом.

Поэтому тезис, что экономический анализ обнаруживает убедительные аргументы для обоснования правовых норм исходя из соображений эффективности и вроде бы в противовес справедливости, является ложным [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбов, А. П. Проблема соотношения права и нравственности в немецкой классической философии и русской философии права / А. П. Альбов. – М., 2014. – С. 21.
2. Луковская, Д. И. Введение в теорию права / Д. И. Луковская. – СПб, 2004. – С. 38.
3. Маркс, К. Глава о капитале. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 134.
4. Вышеславцев, Б. В. Философская нищета марксизма. Сочинения / Б. В. Вышеславцев. – М., 1995. – С. 109–112.
5. Ручкина, Г. Ф. От предпринимательского права – к экономическому праву / Г. Ф. Ручкина // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 118–122.
6. Почему в России не работают законы? / Сайт ВипПерсоны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kuzminov.viperson.ru/articles/pochemu-v-rossii-ne-rabotayut-zakony-intervyu>. – Дата доступа: 28.09.2018.
7. Гегель, Г. В. Философия права / Г. Гегель. – М., 1990. – С. 207.
8. Алпатов, А. А. Право и экономика: вопросы соотношения / А. А. Алпатов // Право. – № 4. – 2010. – С. 3–22.
9. Соловьев, В. С. Оправдание добра: нравственная философия / В. С. Соловьев. – М.: Республика, 1996. – С. 328.
10. Петров, А. В. Экономика и право (к проблеме соотношения) / А. В. Петров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Право». 1998. Вып. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unn.ru/rus/books/stat3.htm>. – Дата доступа: 12.09.2018.
11. Познер, Р. Экономический анализ права / Р. Познер. – СПб., 2004. – С. 33.